

Н.И. Троицкий

**Святой Иоанн Златоуст как
толкователь Священного
писания**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
Н11

Н11 **Н.И. Троицкий**
Святой Иоанн Златоуст как толкователь Священного писания / Н.И. Троицкий –
М.: Книга по Требованию, 2014. – 122 с.

ISBN 978-5-518-05265-9

Православное обозрение, 1889, сентябрь и октябрь.

ISBN 978-5-518-05265-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

мени, а цвѣтущее состояніе ея ко времени Оригена, по смерти котораго начинается уже ея паденіе ⁸⁾). Въ началѣ III столѣтія мы встрѣчаемъ школу въ Кессаріи; основалъ эту школу Оригенъ, а поддержалъ и обогатилъ великолѣпнѣйшею бібліотекою его другъ Памфилъ ⁹⁾). Климентъ александрійскій считается основателемъ іерусалимской школы, которая значительно возвысилась при Кириллѣ іерусалимскомъ ¹⁰⁾). Родонъ, который по сказанію Дидима завѣдывалъ катехетическою школою въ Александріи, основалъ школу въ Сидѣ ¹¹⁾). Равнымъ образомъ мы находимъ древнѣйшія школы въ Месопотаміи и Сиріи, именно въ Эдессѣ, Низидіи и Антиохіи. Во время аріанскихъ споровъ, въ царствованіе короля Валенса, вышедшіе изъ Эдессы пресвитеры Евлогій и Протогонъ основали школу въ Антиохіи. Основателями лаодикійской школы считаются епископъ Евсевій и его послѣдователь св. Анатолій, замѣчательнѣйшій знатокъ словесныхъ наукъ и философіи. Да не только въ большихъ многочисленныхъ городахъ, но и въ малыхъ, даже въ селахъ и деревняхъ можно было находить училища и учителей. Но главное мѣсто въ ряду этихъ школъ занимаютъ школы — александрійская и антиохійская.

Александрія и Антиохія были двумя резиденціями востока, въ которыхъ процвѣтали и классическая мудрость и христіанское знаніе. Въ обѣихъ столицахъ стояли на ряду съ языческими школами и христіанскія, въ которыхъ, какъ мы еще выше сказали, кромѣ изученія свѣтскихъ наукъ, учащіе руководились въ истолкованіи Свящ. Писанія. Но какъ въ свѣтскихъ наукахъ, такъ и истолкованіи Свящ. Писанія ясно отпечатлѣваются ихъ различныя направленія и методы. Въ Александріи господствовало спекулятивное направленіе духа и идеализмъ Платона, въ Антиохіи преобладало логическо-рефлектирующее направленіе разума и реализмъ. Вслѣдствіе этого и изъясненіе Св. Писанія въ Александріи аллегорическое, а въ Антиохіи историко-грамматическое.

⁸⁾ Khin 9—10.

⁹⁾ Ibid.

¹⁰⁾ Ibid.

¹¹⁾ Ibid.

Александрійцы первые положили основаніе научному развитію Богословія. стараясь примирить христіанство съ греческою философіею, которая тогда вполне подчинилась синкретизму¹²⁾, въ которомъ они видѣли фундаментъ и вершину истиннаго гноспса откровенныхъ христіанскихъ истинъ. Они твердо держались высоты послѣдняго, безъ вражды противъ вѣтшей учености. Они приспособлялись болѣею частію къ господствующему въ Александріи направленію неоплатонизма и іудейско-филоновскаго гноспса и чтобы употребить все въ свидѣтельство за Христа старались примирить знаніе съ вѣрою и христіанство съ эллинизмомъ и гностицизмомъ. Полнота ихъ мыслей, возвышенность идей, которая приближалась къ экстазу, ихъ внутреннее одушевленіе за Христа и церковь заслуживаютъ удивленіе и невольно возвышаютъ читателя къ созерцанію сверхъестественныхъ и небесныхъ вещей. Но такъ какъ развитіе и направленіе экзегеса опредѣлялось ходомъ и направленіемъ вообще богословскаго знанія, то понятно на какой почвѣ долженъ былъ стоять экзегесъ. Направивъ все свои силы и свой взглядъ на цѣлое христіанство, на его идею, и ихъ экзегесъ былъ преимущественно субъективнымъ выраженіемъ этой идеи; они рассматривали слово и предложеніе какъ образъ божественнаго возвышеннаго содержанія и вслѣдствіе этого часто заподозривали историческое содержаніе текста. Они какъ бы вовсе хотѣли забыть человѣческія и историческія условія происхожденія отдѣльныхъ писаній и на нихъ основывающіяся особенности и различія, а старались только повсюду находить возвышенное, достойное Бога содержаніе. Понятно, слѣдуетъ только разъ выйти изъ такого взгляда на Священное Писаніе, чтобы совершенно погрузиться въ произвольный аллегоризмъ, который даетъ безъ труда полнѣйшую возможность обойти и устранить при самомъ толкованіи все встрѣчающіяся трудности, все библейскія представленія, все кажущіяся противорѣчія. Признавъ Библию за абсолютно божественную книгу, они все подрядъ признали въ ней за божественное, повсюду искали въ ней тайнъ божественнаго откровенія, не считая достаточнымъ истиннаго пониманія, которое сохраняется въ вѣрномъ изслѣдованіи содержанія и смысла писанія. Такимъ

¹²⁾ Chrysostomus—Neander 2-й т. 125 стр., 1858 г.

характеромъ отличаются по преимуществу экзегетическіе труды Оригена, представителя александрійской школы.

Мы считаемъ нелишнимъ подробнѣе изложить методъ Оригена, потому что вліяніе Оригена на послѣдующее развитіе экзегеса было настолько велико, что даже западная церковь, во многомъ расходившаяся съ Оригеномъ, не избѣгла этого вліянія, которому подчинился первѣе всего блж. Іеронимъ ¹³⁾. Не говоримъ уже о его ближайшихъ послѣдователяхъ — Григоріи Чудотворцѣ, Пирѣ, Теофрастѣ и Діонисіи, которые съ величайшею признательностію слѣдовали методу Оригена ¹⁴⁾. Даже въ III столѣтіи, когда уже польза историко-грамматическаго метода были признана всѣми, не могли избѣжать его вліянія, когда чувствовали недостатокъ вспомогательныхъ научныхъ средствъ.

Чтобы поближе познакомиться съ герменевтикою и экзегетикою Оригена, необходимо узнать тѣ источники, изъ которыхъ онъ почерпнулъ основаніе для своего міровоззрѣнія.

Зародышъ аллегоризма лежитъ еще въ до-христіанскомъ направленіи духа. Еще задолго до христіанской эры, языческіе философы сдѣлали первую попытку объяснить путемъ аллегоріи язычество. Іудеи, жившіе въ Іерусалимѣ, знакомые съ греческою философіею, сочувственно приняли этотъ новый методъ, но только они затруднялись согласовать этотъ новый взглядъ съ букввою Ветхаго Завѣта, не пожертвовавъ модной мудрости своею вѣрою въ сверхъестественное откровеніе. Аристовулъ и Филонъ представили первые образцы аллегорическаго толкованія, положивши въ основаніе своихъ толкованій платоновское міровоззрѣніе.

Оригенъ почерпнулъ свое міровоззрѣніе изъ философіи Платона. Теософія Платона въ немногомъ разнится отъ теософіи Оригена. Платоновское понятіе о Богѣ, который въ метафизической возвышенности совершенно отрѣшается отъ міра, такъ мало отлично отъ Оригенова, что онъ при ученіи о твореніи міра долженъ былъ взять для защиты платоновскіе принципы міра; объ истинномъ сіяніи буквальнаго и матеріальнаго съ идеальнымъ и духовнымъ нѣтъ у него и рѣчи. Вслѣдствіе этого

¹³⁾ Chrysostomus—Förster стр. 4. 1869.

¹⁴⁾ Ibid. 5 стр.

Священное Писаніе служить только по его мнѣнію покрываломъ высшаго идеальнаго содержанія и буквальный смыслъ самъ по себѣ не имѣетъ никакой цѣны.

Но еще большею близостию отличается Оригенъ къ Филону, герменевтика котораго совершенно согласна съ герменевтикою перваго. Филонъ поставилъ абсолютную пропасть между Богомъ и міромъ. Задача его Логоса состояла въ томъ, чтобы чрезъ откровеніе возстановилъ соединеніе духовнаго міра съ чувственнымъ такъ, чтобы разумный человѣкъ (νοῦτος) могъ понять открывающееся ему Божество. Надъ этимъ несовершеннымъ міромъ есть царство свѣта, гдѣ истина созерцается непосредственно. Высшее совершенство человѣка и состоитъ именно въ томъ, чтобы изслѣдовать это скрытое въ поднебесномъ мірѣ. Но такъ какъ созерцаніе этой истины только доступно нѣкоторымъ совершеннымъ, а между тѣмъ стремленіе къ этой истинѣ должно быть присуще каждому, то для менѣе совершенныхъ людей, которые не могутъ возвыситься до познанія сверхчувственнаго, имѣетъ значеніе какъ средство исторія, внѣшній культъ религіи, въ которомъ они должны усматривать эту истину, потому что внѣшній міръ есть только отобразъ невидимаго, который соотвѣтствуетъ ему какъ его первообразъ¹⁸⁾. Отсюда, что въ Ветхомъ Завѣтѣ сказано о вещахъ этого міра, должно понимать какъ тѣнь его первообраза — невидимый міръ. И вся задача экзегета состоитъ именно въ томъ, чтобы сквозь это покрывало — внѣшнюю букву — узнать соотвѣтствующее въ другомъ мірѣ. Оригенъ, принявши въ основаніе своего міровоззрѣнія теософію Филона, перенесъ почти цѣликомъ и его взглядъ на Священное Писаніе. Онъ глубоко убѣжденъ, что Священное Писаніе есть Божественное откровеніе, заключающее въ себѣ бездонное море тайнъ¹⁹⁾; во всѣхъ его частяхъ проливается полнота Божественнаго величія и мудрость Божія, которая открывается въ каждой буквѣ Писанія²⁰⁾.

Открытая борьба съ гностиками, которые отрицали взаимную связь и единство Ветхаго и Новаго Завѣта, считая первый дѣ-

¹⁸⁾ Hom. 13 in Luc.

¹⁹⁾ Orig. oper. t. 1. De principiis lib. IV, num. 9—10, стр. 165—167.

²⁰⁾ Ibid.

ломъ Диміурга, а второй — добраго Бога, еще болѣе увлекала его въ герменевтическія крайности. Отъ утвержденія единства между обоими завѣтами Оригенъ пришелъ къ утвержденію тождества между ними, удержать которое ему все-таки не удалось. Напр. при объясненіи 6 ст., 81 пс. онъ отдаетъ преимущество Вѣтхому Завѣту, потому что любовь Божія возвышается въ немъ чудеснѣе, чѣмъ въ Новомъ Завѣтѣ ²¹⁾; въ другихъ же мѣстахъ, гдѣ онъ не выступаетъ противъ дуализма гностиковъ, онъ отдаетъ преимущество Новому Завѣту.

Въ борьбѣ своей съ грубочувственнымъ толкованіемъ антропоморфистовъ и хилистовъ Оригенъ, неудержимый духъ котораго не зналъ никакихъ границъ въ борьбѣ съ противниками, еще далѣе пошелъ по ложному мистическому пути произвольныхъ аллегорій. Эта жаркая борьба заставила Оригена признать аллегорическое значеніе многихъ мѣстъ, удержать за ними духовное пониманіе текста, чтобы отыскать въ немъ скрытый таинственный смыслъ. Оригенъ пошелъ еще далѣе: сталъ находить фигуральныя выраженія тамъ, гдѣ ихъ не было или если и были, то не въ такой мѣрѣ и не въ такомъ значеніи. Недостатку этому въ экзегетическихъ работахъ не могъ пособить и гений этого человѣка. Обремененный своими работами, онъ не находилъ ни времени, ни свободнаго досуга для изслѣдованія буквальнаго смысла и эта постоянная стремительная работа, при его страсти къ таинственному послужила поводомъ къ обвиненію какъ аллегорическаго метода — вообще, такъ и заблужденій Оригена — въ частности.

Но при всей склонности къ аллегоризму, Оригенъ не чуждъ былъ стремленія изслѣдовать историческій смыслъ Писанія. Но не допуская никакого гармоническаго посредства между божественною и человѣческою стороною, онъ отодвинулъ на задній планъ историческую сторону Писанія, подчиняя ее нравственному и мистическому смыслу и считая ее только покрываломъ истины. Чистый фактъ, историческая одежда есть только по Оригену тѣло Писанія, поэтому и не составляетъ главной вещи ²²⁾. „Истина въ Писаніи смѣшана съ ложью“, говоритъ онъ, „и мы

²¹⁾ Ibid. t. 2, num. 3, стр. 687.

²²⁾ Orig. opera t. 1. De principiis lib. IV, num. 6, стр. 162.

поэтому не должны принимать такъ, какъ написано. Это смѣшеніе имѣетъ основаніе въ самомъ Богѣ, Который хотѣлъ научить людей чрезъ исторію. Вотъ почему многія повѣствованія въ Писаніи суть чистѣйшія басни. Самъ Новый Завѣтъ полонъ басенъ и только въ указаніяхъ ихъ на духовный смыслъ содержать они истину²³⁾. Онъ признавалъ три смысла въ Писаніи: буквальный, духовный и мистическій. Первый онъ сравниваетъ съ тѣломъ человѣка, второй съ душою, третій съ духомъ²⁴⁾. Въ пользу дѣленія своего Оригенъ думаетъ найти доказательство и въ тѣхъ кувшинахъ, которые Іисусъ Христосъ велѣлъ налить водою на бракъ въ Канѣ Галилейской, такъ какъ эти кувшины, какъ замѣчается въ Евангеліи отъ Іоанна, вмѣщали въ себѣ по двѣ или по три мѣры. Насколько тѣло человѣка стоитъ ниже души, настолько буквальный смыслъ стоитъ ниже духовнаго. Отсюда понятно и узкое ограниченіе перваго смысла въ Писаніи. Въ Библіи находятся только нѣкоторые мѣста, которыя удерживаютъ за собою буквальный смыслъ и именно тѣ, которыя выражаются въ формѣ приказанія, повелѣнія, предписанія и т. п., какъ напр. мѣсто въ Писаніи: чти отца твоего и мать твою и проч.²⁵⁾. Но и эти мѣста не ограничиваются однимъ буквальнымъ смысломъ, а имѣютъ еще другой высшій нравственный смыслъ, который въ этомъ случаѣ очевиденъ самъ собою и который всегда имѣетъ преимущество предъ буквальнымъ. Буквальный смыслъ Оригенъ считаетъ только не безполезнымъ въ утвержденіи неученаго читателя въ добродѣтели. Но и это признаніе полезности и пригодности буквальнаго смысла стоитъ въ противорѣчіи съ его убѣжденіемъ непригодности буквальнаго, какъ содержащаго въ себѣ много фальшиваго и невозможнаго²⁶⁾. Поэтому наряду съ признаніемъ права буквальнаго смысла въ Писаніи, Оригенъ допускаетъ такія мѣста, гдѣ историческое толкованіе не позволительно: εἰς τίνες γραφοτὸ σιγματικὸν οὐδαμῶς ἔχουσι ἔστιν ὅπου οἰονεὶ τὴν ψυχὴν καὶ τὸ πνεῦμα τῆς γραφῆς μόνον χρηθεῖν²⁷⁾. Выходя изъ этого ложнаго

²³⁾ Ibid. num. 8, 9, 15, 16, стр. 164—166, 173—176.

²⁴⁾ Ibid. num. 12, 13, стр. 168—171.

²⁵⁾ Ibid.

²⁶⁾ Ibid.

²⁷⁾ Ibid.

взгляда на буквальный смысл, Оригенъ долженъ былъ отбросить буквальный смыслъ цѣлаго ряда мѣстъ Ветхаго и Новаго Завета. Такъ напр. исторію творенія онъ объясняетъ аллегорически, отрицаетъ существованіе земнаго рая и т. п., потому что эти понятія казались ему безсодержательными и недостойными Бога. Онъ также отбросилъ буквальный смыслъ тѣхъ мѣстъ, которыя повидимому ограничиваютъ по времени и мѣсту Бога, какъ напр. хожденіе Бога въ рай, его голосъ и пр. Нѣкоторые же мѣста Оригенъ отбросилъ потому, что они, казалось ему, учили безнравственности, какъ напр. исторію о Іудѣ и Тамари, о зависти братьевъ Іосифа, о судьбѣ Авраама и Сарры въ Египтѣ ²⁸⁾. Оригенъ не усумнился отбросить буквальный смыслъ цѣлаго ряда мѣстъ и въ Новомъ Заветѣ. Омовеніе ногъ, исторію искушенія Спасителя, нѣкоторые предписанія и законы, какъ напр. никто не долженъ просить на пути и имѣть обуви, — всѣ эти и подобныя мѣста, по мнѣнію Оригена, не могутъ быть поняты въ буквальномъ смыслѣ. Въ исторіи искушенія слова о горѣ, съ которой дьяволъ показывалъ Христу всѣ царства міра, считаетъ баснею, такъ какъ нѣтъ ни одной горы, съ которой можно было бы видѣть царства міра ²⁹⁾. Но чтобы сколько нибудь оправдать существованіе въ Евангеліи такихъ мѣстъ Оригенъ допускаетъ полнѣйшую свободу евангелистамъ обозначить мѣсто и время событій по ихъ усмотрѣнію; отсюда и самая истина въ Евангеліи кроется подъ историческою ложью. Вотъ къ какой крайности привела его ложная аксіома: ἐν σωματικῇ ὥς ἂν ἐπὶ τοῦ ψεύδει.

Признавши такое субъективное дѣленіе смысла Писанія по трихотоміи Платона на буквальный (σωμα), нравственный (ψυχῇ) и духовный (πνεύμα) и оставивъ такъ мало мѣста первому смыслу въ Писаніи, Оригенъ съ большимъ сочувствіемъ останавливается на послѣднихъ двухъ смыслахъ — нравственномъ и мистическомъ или духовномъ, которые можно находить во всѣхъ мѣстахъ Писанія.

Нравственный смыслъ состоитъ по его мнѣнію частію въ учени

²⁸⁾ Orig. oper. t. 1, de principiis num. 16, 174—176 стр. Справ. Homil. in Genesim Orig. tom. 1, стр. 52—59, 28, 76—78.

²⁹⁾ Ibidem tom. 1, de principiis lib. IV, num. 16, стр. 174—176.

о перемѣнѣ, какой подвергается душа добраго и злаго человѣка, частію въ предписаніяхъ, которыя касаются внѣшняго и нравственнаго поведенія человѣка. Не лишнимъ, кажется, будетъ, представить примѣры, чтобы составить болѣе определенное представленіе, что онъ разумѣлъ подъ нравственнымъ смысломъ тѣхъ или другихъ мѣстъ Св. Писанія. Напр. если въ книгѣ Исходъ говорится, что по смерти Іосифа и его братьевъ израильтяне умножились, то съ этимъ умноженіемъ должно по Оригену соединять слѣдующій нравственный смыслъ: когда въ тебѣ умираетъ Іосифъ, тогда въ тебѣ умножаются сыновья Израиля. Если умерщвляются чувства тѣла, то возрастаютъ чувства духа и ежедневно въ тебѣ умножаются, по мѣрѣ умерщвленія пороковъ, число добродѣтелей. Изъ 1-й гл., 21 и 22 ст. Евангелія отъ Маттея Оригенъ выводитъ слѣдующій нравственный смыслъ: каждый изъ насъ, когда грѣшитъ, вращается въ предѣлахъ Тира и Сидона. Переходя же отъ порока къ добродѣтели, онъ выступаетъ изъ предѣловъ Тира и Сидона и достигаетъ предѣловъ части Божіей. Но Христосъ пришедши къ женѣ хананейской, встрѣчаетъ ее какъ бы въ предѣлахъ Тира и Сидона ³⁰⁾).

Исслѣдованіе же мистическаго смысла, который указываетъ намъ на Христа и Церковь и который могутъ находить только философы и при томъ при помощи Божіей, занимало Оригена всего болѣе. Онъ повсюду старался искать въ Ветхомъ Заветѣ указанія на Христа и его Церковь и раскрывать мистическій смыслъ вездѣ, гдѣ есть указанія на небесныя вещи, какъ напр. въ обрядахъ, и на исторію Христа и Церкви. Мистическій смыслъ, по его мнѣнію, есть такой смыслъ, который представляетъ намъ природу, существо духовнаго или мистическаго міра. Кромѣ матеріальнаго міра есть еще духовный міръ, распадающійся на два міра: небесный и земной или мистическій. Послѣдній міръ есть церковь Божія на землѣ. Такъ какъ на землѣ

³⁰⁾ In te si moriatur Ioseph, tunc in te multiplicabuntur filii Israel. Si sensus carnis mortificentur, sensus spiritus credunt, et quotidie in te morientibus virtutis numerus augetur. Orig. opera tom. 2, com. in Exodum, стр. 131. Unusquisque nostrum dum peccat, versatur in finibus Tyri vel Sidonis, migrans vero a vitio ad virtutem exite finibus Tyri et Sidonis et ad finis partis dei pervenit. Atque huic Christus, quemadmodum mulieri Chananee, occurrit quasi in partes Tyri et Sidonis veniens. Ibid. t. 3. Comment. in Mathaeum стр. 503.

есть Палестина, Іерусалимъ, Тиръ и Сидонъ. то все это есть и въ небесномъ мірѣ, который вполне соответствуетъ земному какъ его первообразъ. Что случается на землѣ, то случается и на небѣ. Такимъ образомъ Оригенъ Платоновское міровоззрѣніе перенесъ въ свою теологію, въ зависимости отъ которой развивался и его экзегезъ, на что указываютъ его мистическія толкованія. Что Оригенъ признавалъ необходимымъ мистическое толкованіе въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, только онъ не могъ установить опредѣленныхъ границъ для него. Мистическій смыслъ распространяется у него по всему св. Писанію и всѣ сужденія его содержать въ себѣ тайное указаніе на Христа и на Церковь. Даже и въ тѣхъ мѣстахъ, которыя удерживаютъ за собою буквальное пониманіе, находятъ онъ аллегорическій смыслъ. По его мнѣнію нѣтъ ни одного мѣста въ Писаніи, которое бы не содержало нравственного и мистическаго смысла. Всѣ выраженія Писанія, по Оригену, можно подвести подъ двѣ категоріи: одни содержатъ двойной смыслъ: моральный и мистическій, другія тройной—буквальный, моральный и мистическій.

Герменевтическія правила, при помощи которыхъ экзегетъ не можетъ уже просмотрѣть духовный смыслъ мѣстъ и смѣшать мѣста, допускающія буквальное пониманіе съ тѣми мѣстами, которыя допускаютъ мистическій смыслъ, слѣдующія:

1) „Когда слова Писанія содержатъ доброе, полезное и достойное Бога, тогда можно при нихъ удержатъ буквальный смыслъ, въ противномъ случаѣ должно изслѣдовать нравственный или мистическій смыслъ“.

2) Если въ Писаніи какое-нибудь повѣствованіе правдоподобно, согласно съ разумомъ и достойно всеблагаго Бога, то должно понимать его такъ, какъ оно случилось; въ противномъ случаѣ опять должно удержатъ за нимъ нравственный или мистическій смыслъ.

Эти же правила прилагаются при изслѣдованіи о догматическихъ и нравственныхъ частей Писанія.

Если нравственныя предписанія, встрѣчающіяся въ Писаніи, находятся въ противорѣчій разуму и нашему понятію о Богѣ, то должно понимать ихъ аллегорически ³¹⁾.

³¹⁾ Orig. opera t. 1, contra Celsum num 20 и 21, стр. 708 и 709.

Но чтобы отличить, что въ Моусеевомъ законѣ должно понимать буквально и что аллегорически, слѣдуетъ руководиться слѣдующими правилами:

1) Что въ Моусеевомъ законѣ изложено въ формѣ закона, то должно понимать мистически, но что въ формѣ приказанія и предписанія—буквально ³². Что, наконецъ, въ Писаніи касается историческихъ частей, содержащихъ въ себѣ предсказанія о народахъ, городахъ и тому подл. то они содержатъ въ себѣ кромѣ нравственнаго смысла еще аналогическій, указывающій на небесный міръ. Отсюда все, что говорится о Тирѣ, Сидонѣ, Идумей и т. п., должно понимать аналогически; даже самыя страданія и смерть Спасителя должно разсматривать какъ случившуюся на небѣ ³³).

При всей односторонности аллегоризма въ области экзегеса, вліяніе Оригена было еще такъ сильно, что нечего было и думать о раннемъ освобожденіи отъ оковъ аллегоріи. Но съ другой стороны крайность антропоморфизма и діаметрально противоположнаго ему оригеновскаго аллегоризма не могли не возбудить протеста противъ себя и зародить попытку примирить эти крайнія направленія. Уже въ III столѣтіи между этими противоположными крайностями начало развиваться новое направленіе въ антиохійской школѣ, которое благодаря талантливымъ мужамъ, вышедшимъ изъ этой школы, возросло и окрѣпло на столько, что съ пользою могло противостоять александрійскому толкованію, которое процвѣтало и развивалось въ прежнемъ направленіи и съ прежнимъ успѣхомъ. Новая школа должна была привести къ распознаванію божественнаго и человѣческаго въ Писаніи, какое было опущено въ Александріи. Антиохійская школа, какъ и александрійская, выходитъ изъ того, что божественное и человѣческое не имѣютъ ничего общаго, но при этомъ она утверждала, что есть пунктъ, гдѣ обѣ стороны соприкасаются одна съ другою. Но вмѣсто того, чтобы впасть въ докетизмъ и человѣчество во Христѣ признавать только покрываломъ, старалась строго отдѣлить одно отъ другаго, какъ два существующіе самостоятельно момента. Если аллегорическое

³²) Ibid.

³³) Ibid.